

Елена Станиславская

Красная канарейка

Бабушка предупреждала: выходя, оставляй на вратах кровавую метку, чтобы иметь возможность вернуться.

Еще бабушка предупреждала: не забредай в туман, а если уж забрела, ищи красную канарейку и следуй за ней.

Вот только бабушка никогда не предупреждала: если встретишь меня в тумане, беги. Беги без оглядки.

Сегодня мама укладывает ее раньше обычного. Уля недоверчиво косится на усики настенных часов. Те сообщают: «Без двадцати девять». Кажется, не врут.

Рано, слишком рано ложиться спать. Но Уля не хнычет, не ноет, не упрасивает. Она понимает: лучше выслушать скучную сказку, позволить плотно укутать себя одеялом и притвориться спящей. Потерпеть. А потом можно идти.

Приятное волнение сворачивается в животе кошачьим клубком и мурлычет, сладкой дрожью растекаясь по телу. Спать совсем не хочется, жажда путешествия одолевает все сильнее, но надо терпеть. Уля зевает, причмокивает губами и прикрывает глаза. Веки чешутся, хотят отпрыгнуть обратно, и тогда Уля представляет, что на них лежат тяжелые холодные монеты. Монеты придавливают, не дают глазам раскрыться. Уля повторяет про себя: «Ты спишь, спишь, крепко-крепко спишь». Время тянется невероятно долго, и чешутся теперь не только веки — по всему телу, не покусывая лишь ноги, прыгают оголтелые блохи. Наконец мама уходит. Уля моргает много раз и прислушивается, тихонько вздохнув от облегчения. С кухни доносится разный звон: посуда вынимается из шкафчиков, бутылки выуживаются из холодильника, и колокольчиковый мамин голос выводит веселенький мотив. Она всегда радуется, когда ждет гостей. Может быть, сегодня придет даже папа.

Папа не любит Улю и не любит маму, а любит «исключительно свою живопись, к слову, великолепную». Иногда он заглядывает в гости, и мама принимает папу «из уважения к его дару и в память о былых чувствах». Иногда папа ночует. Иногда завтракает с Улей за одним столом. И всегда молчит, поглядывая в телефон куда более заинтересованно, чем на дочь.

Когда Уля видит на улице женщин и мужчин, которые нежно льнут друг к другу и обнимают детей, у нее за ребрами что-то обрывается и падает.

Хорошо, что она редко бывает снаружи.

Заго почти каждую ночь ходит Внутрь.

В дверь позвонили, прихожая наполнилась голосами, и они неспешно потекли в гостиную. Нетерпение давило похлеще, чем тяжелое одеяло, но Уля держалась. Рано, слишком рано выбираться. Снова звонок. Снова поток голосов — уже не такой широкий: не речка, а ручеек. Уля сверилась с усиками: половина десятого. Теперь можно. Вряд ли кто-то еще придет в гости, и вряд ли мама заглянет ее проведать.

Уля сунула пальцы в углубление раскладного дивана, нащупала тайный карман, пришитый бабушкой, и ухватила, словно сонную рыбешку, маленькое и прохладное тельце перочинного ножа. Вытянула, раскрыла привычным ловким движением, заставляющим почувствовать себя лихой грабительницей из трущоб. Немного пофантазировала, любуясь лезвием с засохшими пятнами крови, а потом запустила ножик под одеяло.левой рукой задрала ночную рубашку — чтобы не испачкать, как однажды.

Боли, конечно, не было. Царапнула Уля несильно, с внутренней стороны бедра. Прижала пальцы к ранке, почувствовала мокрое и быстро размазала по коже. Испортить постельное белье она не боялась: давно уже просила маму стелить коричневое или черное. Мама не отказывала, хоть и переживала — обсуждала по телефону с подругами, что «темные цвета могут сигнализировать о депрессии ребенка». Уля знала слово «депрессия» и хотела утешить маму. У меня, мам, все хорошо. Пусть не тут, но хотя бы там. Да разве мама поймет? Только испугается.

Отложив ножик, Уля бесшумно выскользнула из-под одеяла и направилась к двери. Шагалось легко, невесомо. На пороге

она чуть замешкалась и обернулась, хотя обычно так не делала. Взгляд, привыкший к темноте, нашел на подушке худое треугольное личико. Темные волосы сливались с черной наволочкой. Одежда лежало ровно, ни морщинки, и казалось, что под ним нет тела.

Уля улыбнулась самой себе — отдохай, кукла! — и выпорхнула за дверь. *Сво-бод-на!* — мячиком пропрыгало в голове.

В гостиной теснились тени с жуткими лицами-нелицами. Ни носов, ни глаз, ни ртов — лишь неясность, муть, размазанность. Будто стеркой стирали, да не дотерли. Тени бродили по комнате, опирались о пианино, сидели за столом и в креслах у электрокамина. Жевали перекошенными челюстями, подносили бокалы к губам-размазням, зыркали бельмами и беседовали как самые обыкновенные люди.

— Ой, что-то холодно стало, — пропищала, передернув плечами, одна из теней. Уля узнала голос тети Лары, новой маминной подруги.

— Да у Марьи всегда так, — вторая тень гудела баском тети Юли, старой маминной подруги. — Пару раз за вечер аномальное похолодание. Я уж ей говорила: не иначе, щель в стене. Дом рухнет, глазом моргнуть не успеем. О нас-то волноваться нечего — ну канем, туда и дорога. А вот о дочке могла бы подумать. Слышь, Марья, что говорю?

— Ой, Юлек, не начинай. Хотя...

Худая высокая тень колыхнулась в сторону коридора, и Уля занервничала: уж не решит ли мама заглянуть к ней в комнату, убедиться, что ничего никуда не рухнуло и дочь по-прежнему — как и всегда — прикована к постели?

Не надо, мам, мысленно попросила Уля. Я же там... ну это... не дышу.

Другая тень, пониже и поплотнее, по-хозяйски ухватила маму за талию. Подтянула к себе. Что-то шепнула. Выпустила. Забыв обо всем, мама принялась ворковать с плотной темнотой и ухаживать за ней: подлила вина в бокал, подложила салат на тарелку, намазала блестяшки икры на хлеб. Плотной темнотой был папа. Кроме живописи — тут мама, на Улин взгляд, ошибалась — он еще любил есть, пить вино и превращать маму в дурочку.

Задерживаться в гостиной Уля не стала. На секундочку и зашла, обстановку разведать. А дальше — по межстеню и межпредметью, все глубже и глубже, напрямиком Внутрь.

Промчался мимо угольный конь с огненной гривой, обдав жаром и запахом серы. Невеста с перерезанным горлом, безуспешно застирывая платье в пруду, засмотрелась на свое отражение. С неба падали снежинки и стелились по земле, превращаясь в мертвых белопузых крабов — они сочно хрустели под подошвами.

Улю уже ждали. У избушки на залитой серебряным светом поляне собралась детвора: кто постарше, кто помладше. Катька сразу кинулась тискать и выпрашивать: ну как там, Снаружи, что новенького? Из компании туда особо никто не ходил, так, заглядывали иногда. Мальчишки — чтобы живяков попутать, девчонки — из любопытства. Да только худо им было Снаружи, не по себе, потому вылазки совершались редко.

— Катюха, ну-ка отстань от живячки нашей! — прикрикнул Егор, самый старший в компании, семнадцатилетний. — Пошто ты ее на бревнышко тащишь, глупая совсем? Дай ей нагуляться. Набегаться!

— Ой, да я на минутку, на минуточку. — Катька округлила глаза и зашептала, приблизив к Улиному лицу губы-бантики: — Ты малая совсем, знаю, а все ж... Вот скажи, чего там юбки-то? Еще короче не стали?

— Да куда уж короче, — пробурчала толстушка-Зина, опустившись на бревно. Тот край, на котором сидели Уля с Катей, чуть-чуть приподнялся.

— Ой, Катя-Катя-я, — протянул Егор. — Токма ветер в голове!

— Ветер — это у Зины, у нее же дырка в башке. А про нас, подорвавшихся, вот так говорят: одна нога тут, другая там! — Катька ухмыльнулась и снова заговорила с Улей: — Ну а эти-то, эти, татуировки цветные! Делают еще?

— Делают, — подтвердила Уля.

— О-о-ой, я б себе набила. Огромную розу! — Катька озорно покосилась на Егора. — Пряма на попе!

— Ух, Катька, я тебе! — Парень вспыхнул, шагнул к ней, но егоза уже вскочила с бревнышка и унеслась, хохоча, в лес.

Егор постоял-постоял, да и побежал следом.

— Я, наверно, в туман уйду, — тихо сказала Зина, расчесывая пальцами спутанные черные волосы, чтобы получился прямой пробор. — Уже многие наши ушли. Недавно вон Петька-пя-

тилеток, ты его видела, ни с того ни с сего сорвался. Убежал и не вернулся. А до этого Аннушка, Яся, Федя, Ерема... Может, правы они? Может, засиделись мы тут?

— А что там, в тумане? — осторожно спросила Уля.

Бабушка на этот вопрос шикала, остальные ребята отмахивались или отшучивались, но Зина ответила:

— Одни говорят, там покой. Другие пугают чудовищами. Третьи считают, что, заходя вглубь тумана, сам становишься туманом — потому-то он такой густой, будто суп из душ. Да только как узнать, если никто оттуда не возвращался, чтобы рассказать? — Зина вздохнула. — А я вот думаю, может и не в тумане дело. Может, он лишь преграда на пути. Пройдешь, преодолеешь страх, и будут тебе молочные реки да кисельные берега. — Она покачала головой. — А все ж решиться никак не могу.

Черная овца, что паслась неподалеку, встала на задние ноги и откусила от низкого облака. Ветер налетел на сливовое дерево, и плоды полопались, как мыльные пузыри. Зина растянула губы — улыбаться она то ли вообще не умела, то ли разучилась — и легонько толкнула Улю в бок.

— Беги. Вон уж другая малышня тебя заждалась.

Уля поглядела на толпу ребят, мнущихся в сторонке: все они побаивались Зину и потому не подходили. Заметив, что Уля встала с бревнышка, ребята замахали руками и побежали навстречу. Уля зарделась от удовольствия. Маленькие мертвяки хотели дружить с ней, а главное — она могла дружить с ними. Дети Снаружи не то чтобы сторонились Улю, скорее она избегала их. Не выносила любопытства, отвращения или жалости, которые так ясно читались на маленьких розовеньких лицах. Не выносила дворовой суеты, беготни: веселые таракашки, бойкие кузнечики. А она — жук, завалившийся на спину и не способный встать.

Время Внутри, выделенное для Ули, пролетело быстро. Вначале превращались в зверей, и она носилась по холмам рыжей лисицей, дуряя от остроты запахов. Потом прыгали в речку со скалы, а вода вышвыривала их обратно. Под конец, утомившись, просто играли в прятки, как самые обычные дети.

Когда настала пора возвращаться, в сердце шевельнулся протест: не хочу, не надо, вот бы остаться тут. Несправедливо: у

других здесь вечность, а у нее — капелька на доньшке. Кровавая метка вовсю зудела на ноге, пульсировала и звала Наружу. Уля прикоснулась к царапине и открыла глаза.

В комнате висели духота и серость. Рассвет только-только заявлял о своих правах. Уля откинула одеяло и посмотрела на ноги. Тонкие, бледные. Словно у мертвеца. Бабушка так о них и говорила: мертвые.

— Эта часть тебя умерла. А значит, ты можешь ходить Внутрь. Как я. Твои ноги — твои врата.

Поднеся указательный палец к морщинистому желтоватому лицу, бабушка оттянула левое веко и постучала по глазу. Цок-цок.

— А вот — мои.

Это случилось во время третьей встречи Ули и бабушки. А первая как-то сразу не задалась. Бабушка, папина мама, посмотрела на Улю с порога комнаты, тяжело выдохнула: «О-хо» и ушла, шурша многослойной пестрой одеждой.

Мама на скорую руку соврала, дрогнув голосом: «Это баба Аля куклу забыла. Она куклу возьмет и снова придет». Потом убежала в магазин, купила куклу и, даря, сказала: «Вот, баба Аля просила передать. Ей вдруг плохо стало. Что поделать, возраст и... — мама все-таки сердилась на бабушку — ...жуткое ожирение».

Уля повертела куклу, вздохнула беззвучно и отложила в сторонку. Зачем мама так торопилась, лучше бы подольше по-выбирала. Вон у куклы губы какие тонкие, будто злится, а если раздвинуть волосы — видна лысина.

Вторая встреча с бабушкой состоялась месяц спустя и прошла, в общем-то, неплохо. Уля успела разглядеть лицо, словно вылепленное из желтой глины, усики над верхней губой и серые глаза, густо подведенные черным. Левый глаз был мутный, косящий. Неживой. Если долго в него смотреть, начинали бегать мурашки. От бабушки пахло дымом, древесиной и потом, будто она весь день колола дрова у костра, и ее густой, какой-то мужицкий дух совсем не сочетался с пышной лиловой юбкой и шалью в пионах. Папина мама отличалась от всех, кого Уля видела за свою восьмилетнюю жизнь. И это было здорово.

Никаких игрушек бабушка тогда не принесла, зато подарила Уле картинку с красной птичкой и сказала, что это талисман на

удачу. Уходя, пробормотала — то ли маме, то ли в пустоту: «Она похожа на него. Немножко. Подбородком и лбом». Мама удивилась: «На Витю?». Бабушка издала звук «пфф» и хлопнула дверью.

Во время третьей встречи, отправив маму в магазин за пирожными, бабушка склонилась над Улей низко-низко, окружила мужицким запахом и все рассказала. И про Внутрь, и про врата, и про красную канарейку. И даже немного про Него.

С тех пор бабушка приходила каждое воскресенье. Вот и сегодня должна была.

Покончив с завтраком, Уля подъехала на коляске к окну и принялась ждать.

— Может, погуляем? — Мама облокотилась о подоконник.

— Бабушка придет, с ней и погуляем.

— Да вы с ней вечно в комнате сидите, как сычи. — Уля чувствовала, что от мамы холодными волнами исходит ревность.

Конечно, она-то всю жизнь положила. А эта старуха со стекляннным глазом явилась на готовенькое. Восемь лет знать не знала про внучку, а теперь, гляньте, повадилась. Где тебя носило, бабка, когда я тут с младенчиком колупалась? Где носило, когда у Ульяны ноги отнялись? Чего приходишь и воруетшь любовь, которая причитается мне, только мне? Все эти мысли промелькнули у мамы на лице — мелькали они и в разговорах с подругами — но вслух она сказала:

— Ладно, как хочешь. Пойду сделаю какао.

Зазвонил телефон, и обида спорхнула с маминого лица, как легкомысленная бабочка. Звонки — это разговоры, а разговоры — это поток, уносящий далеко-далеко от проблем, обязанностей и грусти. Мама больше всего на свете любила телефонные звонки.

Из гостиной донеслось бодрое: «Да, слушаю вас!», потом повторилось эхом: «Да», а затем голос стих, будто провалился куда-то.

Уля вытянула шею, прислушиваясь. Внутри красной канарейкой затрепыхалось беспокойство. Если бы звонила тетя Юля, мама уже покатывалась бы со смеху. Если бы звонила тетя Лара, сочувственно вздыхала — от той уходил муж.

Мама молчала.

Значит, звонил папа.

«Странно все это, — подумала Уля, подперев щеку кулаком. — Бабушку тоже бросил папа, еще до ее рождения. Почему же она не смогла воспитать сына так, чтобы он стал нормальным и никого не бросал? Бабушке-то еще повезло, у нее был Он. А мы с мамой — одни-одинешеньки».

Бабушка так и не сказала, как Его звали. Уля знала лишь, что Он приходился бабушке дядей и крестным отцом, и она очень Его любила. Умер нестарым, при жизни рисовал картинки и разводил красных канареек — их, в основном, и изображал. Всякий раз, встречая такую птичку Внутри, бабушка надеялась, что канарейка приведет ее к Нему.

— Ради Него я и хожу Внутрь, — призналась однажды бабушка. — Как глаз потеряла на пятидесятом году жизни да узнала от добрых людей про врата, про тот мир, так и хожу. Только вот ни разу Его не встретила. Думаю, неужто в туман ушел? Да все надеюсь, что нет. Раньше ждала у туманной границы, вдруг появится. Не появился. Тогда стала понемножку вглубь продвигаться, звать... — бабушка замялась. — Да там, в тумане-то, живым не место.

— А что там? — спросила Уля, и бабушка шикнула на нее в ответ.

— ...Уля. — В комнату заглянула мама. Лицо походило на перламутр — блестело и отдавало зеленцой. — Папа звонил.

— Я догадалась. — Уля дернула плечами. Хотела добавить: «Ты всегда после его звонков похожа на кикимору», но не стала.

Мама села на край дивана, впилась руками в колени и вдруг заплакала.

— Мам, ты чего? — всполошилась Уля. — Он тебя обидел, мам?

— Ба-бабушка умерла, — сквозь всхлипы выговорила мама.

Улю окатило жаром, а следом холодом. Мама рванулась к ней и прижала к груди.

— Доченька, я с тобой. Мама с тобой. Господи, что же я... гадости всякие про нее думала. Прости меня, Господи! А она ведь хорошая была, баба Аля, — бормотала мама.

Уля погладила ее по волосам и поцеловала в затылок. Мягкая подушечка волос пахла клубникой. Мама-мама, подумалось Уле, какая же ты девочка.

— Ты поплачь, детка. Поплачь. — Мама вздрагивала от рыданий.

Уле не хотелось плакать. Ей хотелось, чтобы поскорее наступила ночь. Смерть — это, конечно, грустно. Но когда знаешь, что на ней все не заканчивается, жить определенно становится легче.

Да вот захочет ли бабушка повидаться Внутри?

Не уйдет ли в туман, не попрощавшись?

Уля забеспокоилась.

— Бабушка, а почему я тебя не вижу? Там, в другом мире, — как-то раз поинтересовалась Уля. — Ты больше не ходишь Внутрь?

Бабушка заплетала ей косы и, услышав вопрос, потянула за волосы чуть сильнее. Уля айкнула.

— Любопытной Варваре нос оторвали, — проворчала бабушка. — Там, где я хожу, тебе покамест делать нечего. Играйся себе на полянке.

«Туман, — вспомнила тогда Уля. — Бабушка ходит в тумане. Ищет Его».

— Ну, значит так, — встрепенулась мама. — Сейчас к дяде Боре постучусь, он тебя на руках снесет. Поедем к папе. — Она растерла по щекам слезы, встала. — Витя сказал, помощь не помешает. Он там совсем один... с ней. Вызвал скорую, сидит, ждет. Говорит, не знает, что делать, растерялся. Надо помочь. — Мамины глаза сверкали.

Уля посмотрела на нее снизу вверх и сказала, мягко и вкрадчиво:

— Ты поезжай, мам. А я останусь. Если поеду, буду только мешать. Вам с ним... с папой... лучше вдвоем побыть. — И мысленно добавила: «А мне с бабушкой».

Мама хотела возразить, уже набрала воздуха в грудь, но передумала. Глаза заволокло мечтательной дымкой. Утешать великого художника, убитого горем — задача как раз для нее, его музы, пусть и бывшей. Хотя нет, нет. Это жены становятся бывшими, а вот музы — никогда.

— Да, ты права. — Мама улыбалась собственным мыслям, плавающим на ее лице, словно водяные блики. — Так будет лучше. Какая же ты у меня мудрая. Не по годам! Вся... вся в бабушку. — Она коротко шмыгнула, отмахнулась и побежала собираться.

— Я позвоню, как доберусь! — донеслось из коридора двадцать минут спустя.

Когда за мамой захлопнулась дверь, Уля сползла на диван и сунула руку в потайной кармашек. Пальцы утонули в пустоте — спину продрало холодом. Нож исчез.

Мама нашла?

Исключено, был бы скандал.

Уля переворошила постель, еще раз проверила карман, прощупала каждую диванную складку. Ничего. К своему ужасу, она вспомнила, что не убрала нож на место после вчерашней вылазки. Значит, он мог слететь с простыни и завалиться под диван! Уля опустила на пол — благо, невысоко — и заглянула в пыльную темноту. Ну точно! Вон он поблескивает. Далеко, у самой стенки. Уля потянулась за ножиком, смяв щеку о деревянную перекладину, но наскребла лишь серых клочков.

— Ну ладно, — процедила Уля, отряхнув руки. — Я с тобой все равно попрощаюсь, бабушка, куда ты от меня не денешься!

Она подползла к письменному столу и дернула ящик — навстречу покатались карандаши, ручки, фломастеры. Ножницы. Потрогав тупые лезвия, Уля покачала головой. Бабушка всегда повторяла, что надо царапать себя ножом. Вдруг от ножниц или острого карандашного грифеля никакого эффекта не будет?

Уля, извиваясь ужом, влезла обратно на диван, с него — в кресло и покатила на кухню. Доехала до двери, врезалась в косяк и тихо зарычала от злости. Забыла, что коляске сюда путь заказан: слишком узкий проход. Потому-то мама в Улиной комнате поставила маленький холодильник, как мини-бар в номере отеля, чтобы дочь могла перекусить, когда захочется. Кто же мог подумать, что ей понадобится нож?

Пришлось бухнуться на плитку, больно ударившись локтями, и поползти. Добравшись до выдвижных ящиков, Уля приподнялась, вытянула руку и чуть не заплакала от досады. Пальцы не доставали совсем чуть-чуть, чиркали по ручке, но ухватить не могли. Давайте, давайте, еще немножко! Кисть заныла и задрожала от напряжения. Нет, не дотянуться. Уля распласталась на холодном кафеле, обдумывая, что делать дальше. Совсем скоро мама доберется до папиной квартиры и позвонит. Если Уля не ответит, мама разволнуется и наверняка поедет обратно. Правильнее дожждаться

маминого звонка, а потом снова попытаться выудить нож из-под дивана — надо только найти что-нибудь длинное.

А вдруг бабушка сразу решит отправиться в туман, и Уля ее больше никогда не увидит?

Вспомнилось желтое лицо, и костровый запах, и цыганские наряды, и мертвый глаз. Вспомнился рисунок: красная птичка на белом фоне. Вспомнился главный бабушкин подарок: не какая-то дурацкая кукла с лысиной — целый мир, красивый, как игра лунных лучей на разбитом стеклышке.

Потолок закачался и поплыл, в горле встал ком.

Уля подцепила дверцу нижнего шкафа, открыла и увидела мусорное ведро. Перевернула, и на пол выкатилась банка из-под горошка. На крышке торчали зазубринки.

Сгодится.

Уля стиснула банку и чиркнула по ноге. Потом еще раз. Размазала кровь и отправилась в путь.

— Здравствуй, Ульяна. — По поляне в одиночестве гуляла Зина. — А малышня убежала воздушных змеев запускать. И Катя с Егором тоже ушли. Давно уже. Не знаю куда. — Круглые щеки покрылись румянцем и потным блеском, как после бани. — Тут только я.

— Зин, слушай, — нетерпеливо заговорила Уля, — ты старушку не видела? Такую в яркой одежде, с усами и стеклянным глазом. Она раньше сюда приходила, когда живячкой была. А теперь умерла и, наверное, сейчас где-то тут.

Зина нахмурилась и скрестила руки, похожие на полешки, на груди.

— Знаю такую. — Взгляд потяжелел. — А зачем она тебе?

— Это моя бабушка! А где...

— Не ищи ее, — бросила Зина и вдруг пошла-пошла вперед, прямо на Улю, и потянула к ней короткие пальцы.

— Зина, ты чего? — Уля попятилась.

— Слушай меня! — рявкнула толстуха, приближаясь. — Не ищи чертову бабку! Она недоброе задумала.

Уля стиснула кулаки — отросшие ногти вонзились в кожу. Да что эта Зина городит? Жирная, мелкоглазая, глупая девчонка!

Несет какую-то ерунду. «Недоброе задумала». Как будто бабушка способна тут кому-то навредить. Это мертвякам-то? Ха!

Зина почти ухватила Улю за плечо, но та вовремя отшатнулась. Губы у мертвячки сжались в струну и посинели. По белому лицу заструилось густо-красное. Несколько капель, сорвавшись с подбородка, темной росой осели на траве. Редко, очень редко мертвецы принимали свой истинный облик. Зина решила сделать это прямо сейчас.

Уля слышала от других, что Зину убил отчим — рубанул топором по голове. «Ох и жуткая она, когда без живячного марафета», — поведала однажды Катька. Теперь Уля убедилась в этом сама. Там, где раньше белела полоска пробора, сейчас багровела и пульсировала рана. Кожа на голове разъехалась, будто кто-то растегнул молнию. Лицо, залитое кровью, безобразно перекошилось.

Уля застыла, не в силах отвести взгляд, и Зина рванула вперед. Сейчас схватит, скрутит, подомнет так, что косточки хрустнут. Вот уж кто недоброе задумал! Глазами металлически сверкает, рубит воздух руками, кровавым железом воняет — будто сама в топор превращается. Уля пискнула и сорвалась с места.

— Стой! А ну стой!

Какое-то время за спиной еще звучали оклики и тяжелые шаги — бум, бум, бум — но Уля нырнула в бледную дымку, и все стихло. Зина по-прежнему опасалась тумана. Оно и к лучшему.

Уля согнулась пополам и уперлась ладонями в колени, переводя дух. Огляделась. Ноги сами по себе завели туда, куда ходить не следовало. Ну ничего, сказала себе Уля, я тут по краешку поброжу, бабушку поищу, и сразу домой. Вроде и нестрашно вокруг, просто белым-бело. Словно занырнула в бассейн с молоком — даже хочется грести по-собачьи.

Ничем не пахло, ничем не звучало. Уля глянула вправо, влево, назад — везде молоко. Белизна напирает, неслышно подбирается, заползает в глаза, ноздри, под юбку. Нестрашно. Почти нестрашно. Только если чуть-чуть.

— Ба-буш-ка! — прокричала Уля, взяв рот в скобки ладоней.

Осторожно ступая, она побрела сквозь молоко. Иногда навстречу выдвигались одинокие силуэты деревьев — не корявых и ветвистых, как можно было представить, а равнодушно прямых. Как бы не заблудиться, подумала Уля, когда все вокруг такое одинаковое.

Имела бы веревку, привязала бы один конец к дереву, а другой к себе. Имела бы семечки, помечала дорогу. Жаль, что ничего нет. Зато есть метка. Коснешься — и окажешься дома. Это успокаивало.

— Ба-бу... ай!

Что-то красное промелькнуло у виска, всколыхнув волосы. Будто лес кровью плюнул.

— Чивик! — позвало из тумана. — Чивик-чивик!

Уля пошла на звук и вскоре увидела ее — красную канарейку. Птаха суетилась на сухой ветке: прыгала, крутила головкой, вспыхивала яркими крылышками. Такая живая в мертвом тумане. Такая хорошенькая. Уля залюбовалась и, когда кто-то тронул ее за локоть, протяжно закричала на одной ноте.

— Эй, ты чего тут? — в лицо, хмурясь, заглядывал Егор.

— Ну и голосистая девка! — Катька сунула пальцы в уши и ехидно усмехнулась.

— Чего ты тут делаешь? — повторил Егор.

Уля с трудом сглотнула. Сердце трепыхалось в горле и никак не хотело проваливаться обратно в грудь.

— Бабушку ищу, — выдохнула она. — А вы?

— Тебе тут нельзя, — Егор говорил строго и отрывисто. — В тумане ходят всякие. Странные. Спрашивают про живяков. Шепчутся про какой-то обмен. Так что давай-ка, дуй отсюда. И так далеко забралась.

— Далеко? — удивилась Уля. Казалось, прошла всего ничего.

— Пойдем, Егорушка, ага? — Катя вцепилась в Егорову руку. — А то как бы не передумать. — Они обменялись взглядами. — Давай, Уляша. Как у вас говорят, не тормози! Уходи скорее.

Уля проводила ребят взглядом и поняла, что больше никогда их не увидит. Вот так и дружи с мертвыми. Кажется, куда они денутся? Мертвецы всегда тут. Сидят, ждут тебя. Верные, вечные. А они вон какие, оказывается. Срываются с лунной поляны, убегают в туманное никуда. Уля почувствовала обиду, даже слезы подступили, но следом пришло понимание: я ведь такая же. Не могу сидеть в своем мирке, ограниченном четырьмя колесами. Я ведь тоже хочу сбежать. И сбегаю. Сюда. А они — туда. Каждому нужно место для побега.

Внезапно навалилась усталость, будто кто-то большой и тяжелый уселся на плечи. Задрожали колени, потянуло к земле. В